

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

Надия	7
Зохейб.....	14
Миша	22
Надия	27
Миша	32
Зохейб.....	37
Надия	43
Миша	48
Миша	53
Надия	58
Зохейб.....	71
Талха.....	76
Миша	81
Надия	86
Зохейб.....	92
Миша	98

Масуд Хашим.....	103
Миша	107
Талха.....	111
Надия	114
Зохейб.....	120
Миша	129
Надия	134
Зохейб.....	140
Миша	145
Миша	148
Надия	153
Миша	156
Зохейб.....	160

ЧАСТЬ II

Гульшан	167
Зохейб.....	171
Надия	177
Гульшан	182
Надия	189
Зохейб.....	195
Фаиза Усмани	202
Гульшан	210

Зохейб.....	215
Сумбул.....	223
Надия	226
Гульшан	232
Зохейб.....	235
Надия	240
Гульшан	245
Зохейб.....	249
Масуд Хашим.....	253
Надия	258
Зохейб.....	263
Надия	267
Гульшан	270
Зохейб.....	274
Надия	278
Зохейб.....	280
Гульшан	285
Зохейб.....	289
Надия	292
Эпилог.....	296
Глоссарий.....	305
Благодарности.....	312
Об авторе.....	314

Посвящается Алише и Аффану

Все дети нуждаются в любви, даже — и особенно — те, что плохо ведут себя

ЧАСТЬ I

НАДИЯ

Лахор, Пакистан

Я тяжело вздыхаю, когда дневной свет за окном тускнеет. Сворачиваю работу на сегодня. Счета за электричество в этом месяце больше, чем в прошлом. Фактически они самые большие за квартал, и я знаю, что *сахаб* Шадаба это не порадует. Бросаю последний взгляд на экран, надеясь, что сумма платежа волшебным образом поменяется и мне не придётся снова ощущать на себе пронзительный взгляд *сахаб*.

Но это пустые надежды, и я это знаю.

Сказать, что настойчивость, с которой он следит за мной, неприятна, было бы грубым преуменьшением. Всякий раз, поднимаясь со своего места, я чувствую на себе этот отвратительный взгляд; я знаю, что *сахаб* смотрит, как я ухожу, буквально рентгеном просвечивает мой поношенный *шальвар-камиз* сверху донизу. Мама как-то сказала, что я воображаю себя какой-то киношной звездой: самоуверенна и, похоже, получаю удовольствие от того факта, что люди

смотрят на меня везде, где бы я ни появилась. Но нет, *Амма*, ничего подобного.

А этот *сахаб* Шадаб? Говорю вам: в его взгляде просто есть что-то неправильное.

Я быстренько выключаю монитор, поправляю шарф на голове и кладу телефон в сумочку.

— Уже всё? — ухмыляется Файзал.

Он переминается с ноги на ногу и скребёт щетину цвета перца с солью.

— Вы, девушки, воспринимаете правило «с девяти до пяти» буквально, не так ли? Это мы, дурни, вынуждены задерживаться и о сверхурочных даже не заикаемся. Никогда.

Файзал начал работать в конторе задолго до меня, так что, из уважения к его старшинству, я обычно не могу ответить ему так свободно, как хотела бы. Он имеет привычку комментировать всё, что происходит вокруг: кто приходит, кто уходит. А ещё, похоже, у него сложилось впечатление, что я — его друг. Ургх. Не в этой жизни.

— Мне нужно поскорее домой. Муж не очень хорошо себя чувствует.

— Да, муж, мать, ребёнок. Валяй. Наслаждайся погодой, раз можешь. В этом месте не помешала бы хоть какая-то вентиляция.

Мысленно я строю кислую мину. В это время года в Лахоре жарко и сухо. Офис, пусть даже и с плохой вентиляцией, — вероятно, самое чистое и прохладное место из всех, где я могла бы пребывать. Особенно вблизи от туалетов.

В разговоре Файзал словно бы обращается сам к себе. Он даже не ждёт, пока ему ответят. У него тонкие губы, как будто, когда его лепили, про них вспомнили в последний момент, — но именно их я заметила в первую очередь. Я слышала, что невеста бросила его ради его же лучшего друга, и с тех пор Файзал уже не был прежним. Впрочем, сейчас я думаю: не исключено, что она сбежала потому, что он всегда был таким вот раздражающим.

Я прохожу мимо ресепшионистки, Узмы, легонько машу ей по пути к лифту. Её *дупатта* поκειται на плечах, а губы ярко-розовые — этим оттенком она пользуется каждый день. Даже притом, что мой офис на втором этаже, я сознательно *никогда* не хожу по лестнице. Ни одна женщина в здравом уме не захочет проходить мимо того подозрительного учебного центра, «Индиго», и странного охранника, который никогда не упустит возможности просканировать тебя от макушки до пальцев ног этими своими пронизательными глазками. У него такой острый взгляд, что к тому времени, как я миную учебный центр, мой камиз кажется усеянным дырами, словно старая паутина. В иные дни Мубашир забирает меня с работы — если не спит. Гораздо чаще он вырубается после того, как добьёт очередную бутылку дешёвого местного пива, и навряд ли проснётся, даже если на него собака нагадит. Это к вопросу о неравных браках. Ай, ну, наверное, в то время у меня были

свои причины. С самого детства я боялась полиции. У меня были очень реалистичные кошмары о *полисваалах*, которые вламываются в дом и арестовывают меня.

Сырые простыни, стук вентилятора и эта жуткая вонь.

Я просыпалась посреди ночи, дрожа и не понимая, где нахожусь. Мне было так страшно. Когда я познакомилась с Мубаширом, я обнаружила, что его отец — влиятельный *хавалдаар*. Забавно, как всего несколько дней могут повлиять на решения, которые мы принимаем на всю оставшуюся жизнь. Я подумала: что может быть лучше, чем выйти за сына *полисваала*? На проверку вышло, что никогда в жизни я так не ошибалась.

От центрального входа я набираю Мубашира. Если он ответит, то, значит, уже едет за мной. Если нет — значит, скорее всего, валяется где-то бездыханным телом.

Один гудок... «*Кисай да йаар на винчрай*», — распевает рингтон... два... три. Не-а. Бездыханное тело — что и следовало ожидать.

Я начинаю шагать к Центральному бульвару, надеясь поймать рикшу — редкое явление в Галберге, административном районе. Думаю, не взять ли «Убер», но мне никогда не казалось разумным тратить столько на дорогу.

Зажав сумочку под мышкой, я машу свободной рукой приближающемуся рикше: «*Бхай, бхай, стойте!*»

Он резко тормозит передо мной. Водитель сверкает зубастой улыбкой, полной *паана*, ни на секунду не сводя с меня взгляда:

— Куда вам, *баджи*?

— Базар Наулакха.

— Двести пятьдесят рупий.

— *Чал!* У меня всего сто.

— *Ача*, сто пятьдесят. Давайте, садитесь.

Правда в том, что большинство рикш не знают маленького квартала, в котором я живу, так что меня высаживают у стоящей поблизости мечети Шахид Гандж. Оттуда до дома всего десять минут пешком, и, если дело происходит вечером, на улицах гораздо свободнее — меньше шансов пострадать. Двигатель рикши рычит, пробуждаясь к жизни. Где-то вдали взывает сирена.

Я помню свою жизнь в звуках. Мамин черпак, звякающий о кастрюлю. Чирикание *майн* в полях ранним утром, когда только-только начинает задувать ветерок. Звук, с которым металлическая линейка госпожи Фарид опускается на мою ладонь. То, как браслеты Миши звенят друг о друга, и смех Миши, и Мишин...

Так, не стоит об этом.

Если по-честному, то я не могу пожаловаться на жизнь. Никто в семье и не думал, что я смогу стать *мемсахаб*, работающей в модном офисе. Особенно после того, через что меня заставили пройти Хашимы. Возможно, меня и подтолкнули, посадили в социальный лифт, позволив по-

лучить образование, но я не такого уж высокого мнения о собственной персоне. Меня слишком резко вырвали из дома — и из собственного, и из дома Хашимов — и бросили сбитой с толку, потерявшей связь и с той, и с другой жизнью. Как бы то ни было, сейчас все знают о моей должности и — ну, скажем лишь, что никто в моей семье никогда прежде не работал в офисе. Если не считать кухню Ифтикхар, которая трудилась приходящей уборщицей.

Когда жизнь даёт тебе лимоны, нужно сжимать их изо всех сил, чтобы сделать лучший лимонад из возможных. Если можешь позволить себе холодильник — *джи*, чудненько, заготовку не помешает слегка остудить. Нет на свете ничего лучше прохладного лимонада, особенно в палящую лахорскую жару.

Именно это я делала со всеми лимонами, которые давала мне жизнь, и без разницы, сколько их было. Я работала не покладая рук, держала голову высоко и шла вперёд, невзирая на трудности, которые подкидывала мне судьба. И — посмотрите, где я сейчас. Могла бы мыть полы и драить чьи-нибудь загаженные туалеты, а вместо этого у меня собственный рабочий компьютер, достойная должность и крыша над головой, причём плачу я за эту крышу собственными деньгами.

Хотела бы я только, чтобы и Мубашир вносил какой-то вклад в семейный бюджет. Тогда можно было позволить себе нормальную кварти-

ру — и не в ветхом квартале, в котором нам приходится уютиться сейчас. Но, напоминая я себе, будем принимать жизнь такой, какая она есть, — по лимону за раз, ладно?

